

84Б4
Г 206

Божатуха

Владимир
Гармаев

О Т А В Т О Р А

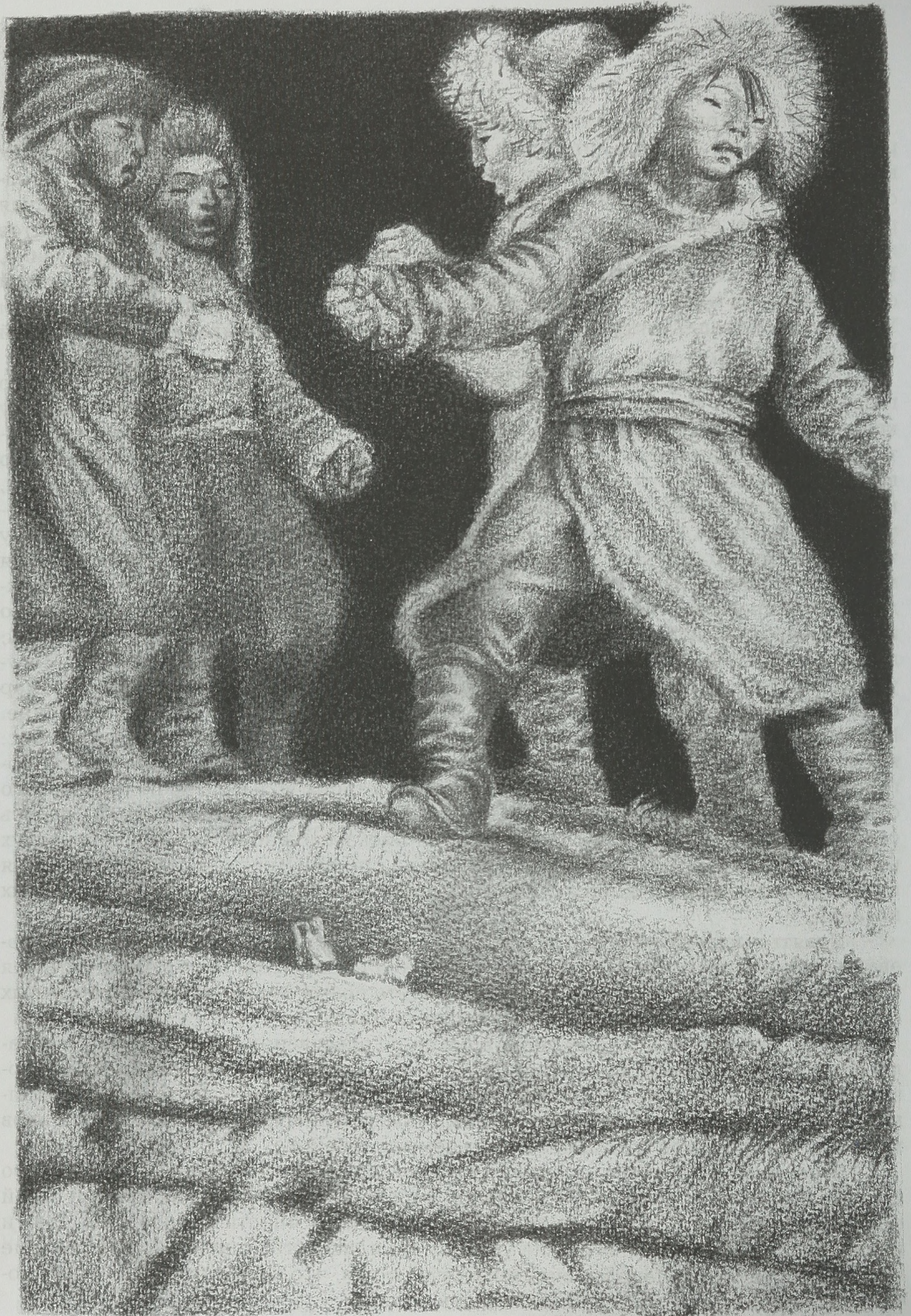
Хори и эхириты, эхириты и хори... Два сильнейших племени в составе Бурятского народа, деяния которых известны монгольскому миру со стародавних времен. Если окинуть мысленным взором просторы этнической Бурятии, представителей этих народов можно встретить в любом месте, где звучит бурятская речь и слышны старинные напевы. Местами компактного проживания эхиритов являются долины верховий Лены, Ангары, низовья Селенги, берега Баргузина, Качугский, Ольхонский, Баяндаевский и Эхирит-Булагатский районы Иркутской области. Народ одиннадцати отцов хори проживает преимущественно по рекам Уда, Хилок, Ингода, Онон, Тугнуй, Ага, Чита, в аймаках Монголии и Внутренней Монголии Китая.

Эхириты и хори заселили эти места в годы создания Великого Монгольского государства. Оба племени в поисках лучшей доли не один год металась между коалицией Джамухи и борджигинами Тэмуджина. Аристократы и хори, и эхиритов, будучи в родственных отношениях сватовства с хиянами монголов небесного происхождения – нирунами, в свое время искренне поддержали племена степи, которые в противовес Улусу Чингис-хана создали надплеменное объединение кочевников, избрали его главой – ханом над ханами – Джамуху-сэсэна и дали ему титул – Гурхан. Точно подсчитать битвы сторонников и противников объединения монголов в единое государство непросто, кочевники с глубоким чувством каждого своей правоты бились за идею неоднократно и жестоко. Их кровью обильно политы берега и воды трех священных рек Монголии: Онона, Керулена, Толы; дрались они на Чикое, Хилке, Мензе и в середине Восточной равнины, у гор Магундур, Наху Гон и Езэгэр Ундур. Везде главным противником и врагом номер один Чингис-хана был Джамуха-сэсэн... и везде его коалиция терпела поражение. Перед племенами эхиритов и хори долгое время стоял один важнейший вопрос: кто прав в этой череде кровавых столкновений – Чингис-хан или Джамуха? Многие народы из-за этого дробились, исчезали, растворялись в среде политического объединения «Все монголы». Эхиритам и хори в этой мешанине племен удалось сохраниться. Какие бы тайны ни предполагались в сложнейших отношениях двух великих монголов, хори и эхириты перешли на сторону Чингис-хана и дальнейшая история этих племен тесно связана с войнами монголов за пределами исконных кочевий.

Девять тысяч эхиритов, представляя собой тумэн кавалерии, долгие годы воевали под командованием Мухали и принимали прямое участие по захвату Китая у чжурчженей. Их семьи, табуны и скот все это время оставались на выделенных монголами пастбищах, возможно, в верховьях Лены.

Хори, все воины которых ушли в поход по завоеванию Месопотамии и остались в тех краях как войско постоянной дислокации, по велению хагана Угэдэя покочевали всем народом, с табунами и скотом, для заселения и постоянного пополнения своими сыновьями и выращенными лошадьми армии хана Хулагу. Воинов хори был целый тумэн и командовал им темник Ехэ-Есур.

В романе «Джамуха» отражена не только личность заглавного героя, его сокровенная тайна, но и время трудного выбора предками многих племен своей правды, своего пути, главная цель – сохранение целостности народов, обычаев и индивидуальности. Многим это не удалось, но наше сегодняшнее существование в составе бурятского народа свидетельствует о том, что хори и эхириты своего добились, благодаря мудрости своих вождей.

1

глава

ПРЕДКОВ НЕ ВЫБИРАЮТ

В самом раннем детстве, когда я был подобен маленькому дереву, недавно пробившемуся в этот мир через покров Матери-земли, я был безгранично счастлив. Одними из первых воспоминаний были теплый и ясный летний день, костер перед юртой, огромный черный котел с клоко-чущим белым варевом, зеленая-зеленая мягкая трава, терпкий, запавший в душу навсегда запах аргальего дыма и мелькание яркой медной поварешки...

- Проснулся, мой мальчик?! Проснулся, сам встал и вышел за порог! Ну иди сюда, иди ко мне, - раздается с небесной вышины ласково-восторженный голос, тот голос и та интонация, какие могут быть только у матери...

Подхваченный мягкими теплыми руками, я взлетаю в голубое пространство. Белое горячее вариво, пар и дым над огнем, трава у юрты падают далеко вниз, между ними и мною лучистые глаза матери, ее нарядный бохтаг, серебро и золото ее звенящих украшений... Еще миг полета - и я ловлю обеими руками свое самое ценное сокровище, привычно припадаю лицом к материнской груди, жадно хватаю ртом розовый сосок - и все. Юрта, трава, костер, котел с варевом, даже яркая медная поварешка и само синее небо исчезают, уходят в небытие, остается только теплая грудь матери, розовый ее сосок, который теперь неведомо чей-то ли целиком и навсегда мой, то ли часть этой неиссякаемой материнской плоти. Я, наверное, как и любой ребенок, навсегда запомнил вкус материнского молока, но описать его не смогу, осталось только ощущение, как с каждым жадным глотком в мое маленькое тело вливается такая нужная всему живому сила, сила, без которой существовать, расти и крепнуть невозможно.

Я вскоре насытился, с прерывистым, шумным дыханием и сопением откинулся от груди и открыл глаза. Вместе со светом ко мне вернулись синева вечного неба, зеленый покров земли, юрта, огонь, черный котел с белым варевом и запах аргальего дыма. Мать отпускает меня на вытоптанную траву и берется за поварешку – опять замелькала яркая медь, в котле заклокотало сильнее, а где-то за куренем раздался топот лошадиных копыт. Сытый и довольный, я вышагиваю в сторону нашей огромной вислоухой Черной собаки, которая укрылась от жары в тени малой юрты и лежит, высунув красный и тонкий язык...

Грудь я оставил в покое на пятом году жизни, поздней весной, и хорошо помню, как это получилось. Наше племя только что перекочевало в Хорхонок-шибир, что в среднем течении Онона, на исконные летние пастбища. Курень раскинули у подошвы высоченной сопки между густым сосновым лесом и рекой. Мои ровесники, пока не обремененные заботами по обустройству на новом месте, позвали меня в лес, и мы, десяток-полтора мальчиков и девочек, стали там играть. Во что мы играли, я забыл, но хорошо запомнил горьковатый вкус красных, недавно народившихся шишечек, которые мы сбивали стрелами с веток редких в том лесу молодых, опушившихся сочной зеленой хвоей лиственниц. За этой забавой мы потеряли ощущение времени, забыли про еду и питье. Всем это было простительно, но не мне... До той поры я никогда не уходил далеко от своих юрт, не покидал курень ни пешком, ни конным, хотя прошлым летом, когда многие мальчики впервые заимели собственных коней и скакали возле стойбища дружной стайкой, у меня впервые зародилось чувство легкой зависти – на лошадь меня отец почему-то еще не сажал и своего коня у меня не было. Причина моей короткой привязи к юрте была тайной для нашего айла и предметом ссор моих родителей. Я давно и точно вычислил и запомнил время кормления грудью и оказывался у подола матери точно в срок и от этого блаженства – главного удовольствия моей жизни, отказываться не собирался, а мать почему-то мне в этом потакала. Так вот, когда солнце уже клонилось к закату, а деревья бросили на прошлогоднюю хвою длинные тени, нашу ватагу по гвалту и шуму обнаружили трое моих двоюродных братьев. Шумно дыша, они подбежали ко мне, схватили за руки, один из них прерывисто шепнул мне прямо в ухо: «Мать зовет! Забыл?!» Не дав мне осознать происходящее, они подхватили меня под руки и потащили в сторону куреня. Опьянение игрой, запахом леса и самим его духом улетучились из моей головы в один миг. Ноги едва касались верхушек травы и цветов, стремительно замелькавших в косых лучах солнца перед моим испуганным взором. Братья домчали меня до нашей большой восьмистенной юрты, кто-то быстро,

с громким хлопком откинул входной полог, и я очутился на женской половине перед сидящей на низенькой скамеечке матерью. В сумраке жилища я увидел, что ее тэрлиг расстегнут на все шарики-застежки, что возле нее почему-то хлопочут двое наших родственниц, а груди ее – мои груди-кормилицы – набухли до синевы, даже были заметны темные прожилки сосудов, а из сосков брызжет молоко. Я остановился у очага, как вкопанная в землю коновязь, вместо ожидаемого матерью броска на ее колени и облегчения, стремительно повернулся к выходу и вылетел наружу. Промчавшись мимо нескольких юрт, я выскочил за курень, запутался в волосяных веревках для привязи жеребят, распластался на траве и почему-то горько и безутешно зарыдал. Сколько времени я пролежал за куренем, не помню, в голове все перепуталось, но точно осознал, что отныне грудь матери брать не буду. Уже в поздних сумерках, когда наш айл начал беспокоиться по поводу моего отсутствия, меня обнаружил один из воинов заступившей на ночь стражи, поднял на ноги, шершавой мозолистой рукой вытер под моим носом и, посадив перед собой в седло, привез к нам и сдал отцу. А мой отец, глава рода Задаран, пятидесятилетний нойон Хара-Хатаган, с непонятной мне заинтересованностью и пристальным вниманием оглядел меня с головы до ног своим колючим, скупым на ласку взглядом, косо усмехнулся.

– Иди к деду! – был весь его короткий сказ.

Мой дед, старый воин Бурибулцэру, с двумя старушками-женами и семьей моего дяди, предводителя табунщиков рода задаранов Хоричара, жил в соседней юрте. В тот злосчастный вечер, закончив все неотложные дела, которых всегда множество при перекочевке на новые пастбища, он сидел перед своим жилищем у костра и пил чай. Рядом с ним сидели мой брат Тайчар и несколько моих двоюродных братьев из других юрт нашего айла. Дело в том, что старый воин при любом удобном случае и в любое время года любил собирать вокруг себя нас, своих внуков, и рассказывать разные легенды и были из жизни нашего рода Задаран, других родов и племен коренных монголов.

И вот теперь, послушный воле отца, с чувством не совсем ясной вины, но понимая, что поступил плохо, я медленно, готовый снова расплакаться, поплелся в круг родных мне людей.

– А-а, Джамуха пришел, ну садись, садись! – понимая мое состояние, но делая вид, что ничего необычного не произошло, сказал дед и ткнул пальцем в прогал между собой и Тайчаром.

Пока я нерешительно подходил к указанному дедом месту, Тайчар, мой одноклассник и сводный брат от младшей нашей матери, нагнулся и что-то пробурчал. Тотчас все вокруг дружно засмеялись, а дед щелкнул Тай-

чара по лбу. Я, успевший расслышать что-то про плохого теленка, в нерешительности приостановился, немного помедлил, потом протиснулся на указанное место.

...Вот однажды настало такое время, когда древним монголам, чьи айлы и роды умножились, а скот расплодился и возросло количество табунов, стало тесно в благодатной долине Эргунэ-Хона. Собрались все старейшины на хурал и решили выйти со всем народом и домашней живностью на простор степи, завоевать, захватить другие кочевья, чтобы было где развернуться их удали и будущей славе, – продолжал рассказывать старый воин, изредка прихлебывая из деревянной чашки чай. – А для этого монголам надо было расширить единственную тропу – выход из этой долины, которую прикрывал огромный утес, в чреве которого уже многие годы кузнецы добывали руду и выплавляли хорошее железо для нужд народа. Так вот, для этой цели монголы забили осенью семьдесят быков и лошадей, из их шкур изготовили множество кузнечных мехов, на месте выхода из утеса железной руды разожгли огромные костры и, многие дни и ночи раздувая пламя, добыли большое количество железа, которое потом пригодилось для вооружения воинов. При этом утес постепенно разрушился, а тропа сильно расширилась, стала пригодной для прогона табунов и стад, для проезда запряженных волами телег. По этому удобному пути все монголы, род за родом, айл за айлом вышли из долины Эргунэ-Хона, выгнали все пять видов домашних животных. Так наш народ покинул благодатное, но ставшее тесным кочевье, многие поколения служившее надежным убежищем от всевозможных врагов.

Пока дед рассказывал нам историю из старинной жизни народа, курень окутала густая темень, небеса брызнули несметным количеством ярких звезд. От берегов Онона заметно потянуло прохладой, аргал костра, время от времени посвистывая и затихая с сиплыми звуками, стал покрываться пушистой белесой шубкой. Брат Тайчар, которому я уже простил обидное сравнение меня с поносящим теленком, положил свою голову на мое плечо и давно безмятежно сопел прямо под ухом, мешая слушать рассказ деда.

Наш старик обгорелой палкой расшевелил умирающий костер, набросал несколько серых комков аргала, постучал по ним и сказал:

– Ну все! На сегодня хватит. Идите по юртам!

Я потерял за нос сонного Тайчара, пощекотал его подмышкой и только стал было подниматься, как дед схватил меня за пояс тэрлига и усадил обратно.

– Джамуха еще посидит со мной, а вы – бегом в постели!

Я, уже забывший дневную проделку, словно наяву увидел вновь на-

бухшие груди матери, ее измученные глаза и женщин нашего айла, хлопотавших рядом с ней, их укоризненно-сердитые взгляды, и всякое благодушие, вызванное ночной тишиной и рассказом деда, вмиг улетучилось.

– Ты, Джамуха, сегодня поступил очень плохо, твоя выходка была похожа не на поведение человека, а на действие неразумного животного, – вкрадчиво, пристально глядя мне прямо в глаза, заговорил дед. – Ты отказался от материнской груди, от которой не отрывался почти пять лет, и сделал это неожиданно и жестоко, прислушавшись только к себе, несколько не подумав о матери, не понимая и не стараясь понять, каково это будет ей, какая боль охватит ее и принесет незаслуженные страдания. Тайчар, сравнивая тебя с плохим, неблагодарным теленком, был прав, ибо только животное, которому тэнгриями не дан разум, всегда поступает так, как ему захочется. Ты, Джамуха, хоть и маленький, но человек. Прежде чем отказаться от груди, ты должен был об этом сказать матери, послушать ее слова и сделать это постепенно, не вредя ее здоровью, не причиняя боль. Я понимаю, что время для этого уже настало, и ты не можешь больше постоянно крутиться возле юрты и подола матери. Но человек тем и отличается от животного, что он, прежде чем совершить любое, даже очень маленькое дело, думает о последствиях для себя и окружающих. Запомни это, Джамуха, навсегда и никогда впредь не поступай, как сегодня. Хорошо, что женщины нашего и соседнего айлов принесли грудных детей, и твоя мать получила облегчение. Ты понял?

С внутренним трепетом я пришел в нашу юрту, уткнулся в грудь сидевшей у очага матери и с горькими слезами раскаяния и стыда добился ее прощения. Намного позже, уже во взрослой жизни, я понял, что родители и дед преподали мне очень ценный урок, который запомнился на всю жизнь и не раз выручал в трудные времена. Именно обдумывая намеченное со всех сторон, взвешивая возможные последствия поступков, я потом почти не допускал ошибок, за которые пришлось бы горько расплачиваться.

На следующий день после того памятного вечера отец пригнал в курень двух хорошо обученных и смирных лошадей, а дед в присутствии наших матерей, братьев и свободных от дел взрослых мужчин айла впервые усадил нас с Тайчаром в седла и преподавал первые уроки верховой езды. В конце дня в нашем айле был небольшой праздник по этому поводу, а наши первые собственные кони, хоть и были они не так молоды и никто не называл бы их резвыми скакунами, запомнились на всю жизнь.

Потом, когда я стал чуть постарше, мой дед, старый воин Бурибулцэру, преподавал, и почему-то только мне, еще один, едва ли не самый главный жизненный урок. Курень нашего рода зимовал тогда на реке Киркун в ее

благодатной, закрытой от северных ветров высокими горами и с хорошими пастбищами долине. Однажды в середине второй зимней луны мы – с десяток подростков нашего айла во главе с дедом и еще тремя стариками – были отправлены в верховья Киркуна, чтобы помочь нашим пастухам собрать разбежавшийся после бурана скот. Выполнив это не очень трудное задание, мы с чувством исполненного долга возвращались в свое стойбище, от которого в поисках скота удалились на два дневных перехода. Пока скакали по реке вниз, короткий зимний день кончился и наступили сумерки. Старики, выбрав для ночевки малозаметное таежное урочище, свернули от реки на север и повели нас вверх по небольшому, густо заросшему тальником, кочковатому ключу. Почти в потемках доехали до родника, развели костры, вскипятили чай и стали готовиться к ночлегу. Мне и двоим мальчикам было велено стреножить уже отдохнувших ездовых коней и привязать на ночь недалеко от костров заводных. Не успели мы исполнить поручение стариков, как послышался отдаленный собачий лай и топот копыт десятка лошадей по льду ключа из его верховий. Мы быстренько закончили дела и прибежали к кострам, возле которых принюхивался и ходил кругами черный лохматый пес с двумя желтыми пятнами над глазами. Прислушиваясь к топоту копыт, дед приказал нам всем отойти в сторону от огней и залечь среди сосен склона долины. Сами старики пододвинули поближе луки и остались на месте предполагаемого ночлега. По их настороженным взглядам в сторону вершины ключа и вкрадчивым движениям было нетрудно догадаться, что они сильно встревожены.

Я и Тайчар спрятались за огромную, вывернутую когда-то бурей вместе с огромным корневищем сосной и едва уняли шумное и частое дыхание, как к кострам подъехал десяток всадников, не сходя с седел, они стали о чем-то спрашивать стариков, затем продолжая разговор, слезли с коней, собрали поблизости от наших костров сучья и хворост, стали разжигать свои огни. Тут раздался зовущий клич деда, и все мы, стараясь не проявлять открыто свое любопытство, столпились возле костра. Нежданные гости между тем стали неторопливо располагаться на ночь. Трое из них, на вид самые старшие и богато одетые, подсели к нашему костру и стали ужинать вместе со стариками, остальные занялись кто конями, кто вьюками, а двое нукеров принялись рубить и складывать в котлы еще незамерзшее мясо косуль.

– Бурибулцэру, вам удалось собрать весь скот? – спросил моего деда дородный монгол, наливая в большую чашку из нашего котла забеленный молоком чай.

– Собрали весь, кроме десятка-полтора бурунов и телят, которые замерзли. Буран продолжался три дня и три ночи, – ответил дед.

- Не натворил бы он чего-нибудь плохого у нас, на Ононе, - посетовал его собеседник, потом повернулся в сторону своих костров и грозно рявкнул: - Шевелитесь быстрее, сонные тарбаганы!

Нукеры вздрогнули, заработали ножами еще проворнее, огонь под котлами вспыхнул ярче, щедро брызнул во все стороны искрами, и в свете пламени мне показалось, что это мы попросились на ночлег, что пришлые здесь мы, задараны, а эти монголы - не гости, а хозяева.

- Ветер был северный, он оттуда пригнал тучи. До Онона далеко и гор на его пути много, там снега и бурана могло и не быть, - сказал кто-то из наших стариков, и в том, как он это проговорил, мне почудилось какое-то подобострастие и неуловимое унижение.

- Высокие тэнгрии всегда оберегали срединные кочевья монголов на Хэнтэе, - довольным тоном сказал дородный монгол и приосанился. - А там, на севере, где мы промышляли соболем, их благодать чувствуется меньше - холоднее и снега глубокие.

- Что слышно в тех местах, где вы охотились? - вежливо спросил мой дед.

- Мы были в верховьях Индидэ, там, кроме оленных людей, никто не кочует. Кроме зверей, холодов и снега ничего нет, - небрежно бросил один из трех гостей, потом поднялся и пошел к своим бурно закипевшим котлам.

Усталые гости и мы молча поели. Второй котел с мясом, который гости предложили нам, показался мне размером поменьше, и еды в нем было заметно меньше. Но мы были рады и этому неожиданному угощению, так как в наших сумках остался только хурут.

Ранним утром следующего дня, еще в черно-белой видимости, когда в неровном свете невозможно отличить масть пасущихся коней, гости собрались и уехали. Тронулись в сторону своего куреня и мы. Выезжая на лед Киркуна, я оглянулся и на месте ночлега увидел только синеватый пар над незамерзающим родником и белесый дымок умирающих костров, за которыми чернел густой сосновый лес. Мы с дедом ехали позади остальных родичей. Пользуясь тем, что мы двигались по заснеженному льду реки шагом и особенно не торопились, я стал расспрашивать своего старика о ночных гостях.

- Это были тайджиуты, нойоны Таргутай, Хорил и Ууча-багатур с нукерами. Все они люди знатные, внуки самого хана Амбагая.

Теперь, поняв причину высокомерного отношения этих монголов к нам, я некоторое время ехал молча. Потом мне захотелось узнать побольше о тайджиутах, о хане Амбагае, о том, кто наш хан в настоящее время и как мы, монголы, вообще проживаем сейчас, ибо до этого времени дед,

который часто утверждал, что каждому монголу очень важно знать свое происхождение, рассказывал легенды и были о давно минувших временах, и они касались больше нашего рода задаранов, оставляя соседние племена и роды без особого внимания.

- Расскажи о нашем хане и тайджиутах, какие монгольские племена и роды кочуют по нашей степи? - попросил я и подъехал к нему вплотную.

Дед несколько удивленно повернулся в мою сторону всем своим могучим станом, попридержал коня, и некоторое время молча разглядывал проявляющиеся из сумерек далеко впереди темные вершины Онон-Бальджинского хребта, над которым в широком красном мареве вот-вот должен был показаться край солнца.

- Ну что ж, тебе уже пора знать то, о чем ты спрашиваешь, - тронул он коня и, собираясь с мыслями, задумался.

А я, страстно любивший в отличие от всех братьев его рассказы, сдвинул с ушей свой косматый малгай из шкуры росомахи и был весь внимание.

- В последние годы моей жизни у нас было три хана, - начал дед свое повествование. - Все трое были избраны монголами по древним степным обычаям, являлись настоящими баторами и, волей тэнгриев, мудрейшими людьми. Первым всемонгольским ханом стал Хабул, сын Дамбиной Сэсэна, при нем наши племена и роды прекратили взаимную распрю и вражду, собрали совместное и сильное войско. На наш улус наконец-то прекратились набеги других народов, и монголы, которые до этого, ложась спать, клали в изголовье обнаженные сабли, облегченно вздохнули. Но время покоя и уверенности продолжалось не очень долго, наши исконные враги - татары - однажды поймали Хабула, когда он в сопровождении малого числа нукеров возвращался из главного города Алтан-хана, увезли обратно, и по их наущению чжурджени его убили. Перед этим Хабул-хан, несмотря на то, что имел семерых сыновей-баторов, назвал своим преемником Амбагая, сына тайджиудского Сэнгум Бэлгэ. Этот Амбагай и стал ханом. При нем мы, монголы, часто воевали с китайцами и татарами, а воины Алтан-хана, зная нашу исконную вражду с татарским народом, натравливали нас друг против друга и били порознь. Чтобы как-то прекратить эту старинную вражду и объединить наши силы с татарами, Амбагай-хан отдал свою дочь в жены Буйругу - главному нойону всех татарских племен. Этим сватовством он хотел противопоставить Алтан-хану общее войско татар и монголов. Но случилось непредвиденное - воины одного татарского рода, не желавшие усиления Буйруга или науськанные китайцами, схватили Амбагай-хана на пути к Буйругу и от-

везли к Алтан-хану, а тот его убил, пригвоздив к деревянному ослу.

- А что это такое - деревянный осел? - спросил я.

- Деревянный осел - это такая скамья, к которой за руки и ноги прибывают преступников. Это страшно долгая и мучительная смерть, - ответил дед и продолжил свой рассказ. - Амбагай-хан еще в плену у тех татар успел передать одному из своих нукеров, пусть, мол, монголы выберут вместо него ханом Хутулу-батора, среднего сына Хабул-хана, и из поколения в поколение мстят татарам за его и Хабул-хана гибель. Мстят «пока не сойдут ногти на пяти пальцах одной руки, пока не сойдут десять ногтей на пальцах обеих рук!»

- А как это? - удивился я.

- Это иносказание, а понимать надо так: мстите, мол, за нас, пока хватит ваших сил и пока не изведете весь этот поганый татарский народ.

- Теперь понятно.

- Хутула-хан был настоящим батором, его голос был слышен из-за семи холмов, боевых коней он поднимал плечами, словно жеребят. При нем монголы разгромили войско Алтан-хана, взяли с китайцев огромную дань, тринадцать раз били племена татар, войска которых возглавляли такие известные в степи баторы, как Залин-буха, Хори-буга, Хойтэн Барха-батор и силач Темуджин. Теперь Алтан-хан оставил нас в покое, но татары восстанавливают силы и по-прежнему опасны. Это очень тревожно, так как Хутула-хан умер, а после него монголы до сегодняшнего дня никак не могут придти к единству и избрать нового хана. Имеющие ханское происхождение десять сыновей Амбагай-хана, кроме знаменитого Хадан-тайши, между собой враждуют по всякому малому поводу, а семь сыновей Хабул-хана, хоть и достойные люди, без тайджиутов избрать нового хана из своих не могут. Пока сайты монголов пребывают в розни, время идет неумолимо, а они старятся. Сегодня уже никто и не поговаривает о необходимости избрания кого-либо ханом, а состояние наших племен и родов ныне таково, что никто и не хочет стать ханом - слишком это обременительно и небезопасно.

- А как же это так, дед? - возмутился я. - Прежде монголы имели ханов, собирались в единое войско, били кого хотели, а теперь даже не могут собраться, договориться и выбрать нового...

- Тебе, Джамуха, пока этого не понять, но запомни одно - у десяти сыновей Амбагай-хана и семи сыновей Хабул-хана выросло, возмужало и находится в возрасте твоего отца много разных по достоинству детей, но сказать о ком-либо, вот, мол, это самый выдающийся муж ханских кровей и достоин поднятия на белом войлоке, очень трудно. Ныне вражда сайтов уже превратилась во вражду племен и родов, теперь мы все спим вполгла-

за, а у юрт постоянно держим наготове боевых коней. Вот какое теперь в степи страшное время всеобщей неприязни. Запомни это, Джамуха, и всегда учитывай при любом поступке.

- А ханом обязательно должен быть человек из рода Хабул-хана или Амбагай-хана? Ведь в степи много славных баторов из других монгольских родов и племен. Вот в нашем роде задаранов, ты же сам рассказывал нам, были и есть могучие воины.

- Про наш род я тебе расскажу чуть позже, - почему-то грустно усмехнулся дед и, окинув невидящим взглядом склоны расширяющейся долины реки, сказал задумчиво: - Так вот, о новых ханах... Есть у нас один внук Хабул-хана, выдающийся воин, сын Бардам-батора Есугей, прозванный за мужество, удачу в бою и в память о великих предках Хияном. Ныне он заметно выделяется силой, умом и воинским мастерством среди сайтов и глав племен всех монголов. Есугей-батор возглавляет всю многочисленную родню внуков Хабул-хана и Амбагай-хана, которые теперь кочуют единым куренем и выступают на любую войну одним войском. Ночевавшие с нами монголы-тайджиуты проживают с ним в одном стойбище. Этот Есугей-батор мог бы быть избранным в ханы но этому противятся прежде всего, вчерашние внуки Амбагай-хана, особенно старший из них, тот самый Таргутай, который разговаривал со мной, противятся и зурхэтэны, тоже потомки Хабул-хана, род образованный Хабул-ханом с особой целью - создать отряд непобедимых воинов, ударную силу в любой битве. Для этого знаменитый хан собрал из всех монгольских племен самых храбрых, смелых и сильных воинов и отдал в подчинение сыну своего старшего сына Охин-Бархага Дзоригта Джурби. С тех пор эти воины кочуют одним куренем и прозываются родом зурхэтэнов-храбрейших. Так вот сайты этого отборного и знаменитого рода тоже не хотят подчиняться Есугей-Хияну. Так и проживаем, Джамуха, мы, монголы, сегодня без хана, словно дэгэл без ворота.

Когда дед замолчал, удрученно опустив голову, я продолжал ехать рядом с ним и долго думал, ибо сказанное им трудно укладывалось в моей голове, и скрытые от простых воинов и монгольских харачу игры нойонов родов и племен туго доходили до моего мальчишеского ума. Еле-еле приводя в порядок этот клубок из племен, родов трех монгольских ханов и их многочисленных потомков, я постарался все запомнить. Ехали мы на встречу низкому зимнему солнцу, и путь, пролегающий то по льду реки, то по каменистым и узким тропам крутых прибрежных склонов, требовал от всадников пристального внимания и осторожности. Когда мы в очередной раз выехали на лед реки, и впереди показалось открытое и широкое пространство, я догнал деда и поехал рядом с ним.

– Ты что-то хотел рассказать про наш род, – напомнил я ему.

Старик поднял опущенную в полудреме голову, сел косо в седле и окинул меня из-под низко опущенного на лоб малгая пристальным, как будто бы оценивающим взглядом.

– Так уж и быть, послушай еще одну старинную быль, – согласился он после некоторого молчания. – О том, как монголы выбрались на степные просторы из теснины Эргунэ-Хона ты слышал. Так вот, с тех пор прошло много веков. Наши предки привольно кочевали со своим скотом и табунами по Хэнтэйскому нагорью и долинам Онона, Хэрлэна, Эргунэ и других рек, сменилось много поколений, и наступило время нашего знаменитого предка Бодончара, родившегося от женщины из племени хори. Ее звали Алан-Гоа. Она от своего мужа Довун-Мэргэна имела двух сыновей, а после его смерти родила еще троих сыновей, как утверждает древнее сказание, зачав их от посланного тэнгриями луча света. От этих пяти сыновей хоринской женщины Алан-Гоа ведут свое начало все ныне существующие племена и роды монголов. Предок наш Бодончар имел несколько жен, одну из которых, беременную на половине срока, привел в свой курень после победоносного боя. Когда она в его юрте родила мальчика, отцом которого был неизвестный человек, его называли именем Зада, то есть чужой. От этого сына неизвестного человека и произошел наш род Задаран. Сколько бы ни минуло с тех пор лет, потомки самой Алан-Гоа и потомки родных сыновей Бодончара, да и все монголы, до сих пор нас считают чужими, не допускают до совместных жертвоприношений предкам, не приглашают на хуралы по выборам ханов или для решения других, важных, касающихся всех племен и родов, дел, – старик замолчал, прикрыл ладонями глаза от солнца и стал что-то упорно разглядывать в сияющей от снега дали. – Вот так-то, мой мальчик, обстоят дела нашего рода задаранов, – сказал он в заключение своего грустного повествования и надолго умолк.

Молчал и я. В ушах вместе с топотом копыт долго звучало: «Чужие, чу-жие, чу-жие...» «Неужели после стольких лет совместной жизни на одной земле, под одним небом, после многочисленных вступлений в родство, после многих совместных битв с общими врагами монголы до сих пор считают нас чужими?» – вертелось в моей голове. Я стал напряженно вспоминать все, что было в мои мальчишеские годы известно о взаимоотношениях моих родичей, простых харачу, воинов отца и других наших сайтов с родами и племенами монголов, и не смог вспомнить ни одного случая или упоминания об обидах с их стороны. Тогда, решившись еще на один вопрос, я поторопил коня и догнал своего старика.

– Дед, мне помнится, что ты называл задаранов в числе коренных монголов, вместе выбравшихся из Эргунэ-Хона. Так мы коренные монго-

лы или нет? Если коренные, то почему вдруг оказались монголам чужими? Что... та женщина, мать Зады и человек, зачавший ее мальчика, были не монголы?

- Монголы, Джамуха, это не единое скопище кочевников. Монголы бывают разные, оттого и принятое всеми достоинство племен и родов разное. Все племена и роды, ведущие свое происхождение от тех, кто вышел когда-то из Эргунэ-Хона, называются монголами-дарлегинами и их множество. Наш род задаран тоже относится к ним, и этого никто не оспаривает. Есть еще монголы-нируны. Это потомки трех сыновей прародительницы Алан-Гоа, которые родились после смерти ее мужа Довун-Мэргэна, а зачаты по воле тэнгриев от небесного луча. Вот к ним-то нас никак отнести нельзя, ибо наш предок Зада родился не от Нируна-Бодончара, а от неизвестного мужчины. В наше время живут, кочуют в великой степи множество племен нирунов. Это прежде всего хатахины, салжиуты, багарины, зэгуритэи, нояды, баруласы, будагуты, тайджиуты и многие другие. Все ханы монголов в древности и последние три хана, которых я хорошо помню, были только из племен нирунов, нойонов и баторов из других племен в ханское величие никогда не возводили и возводить не будут. Тебе, Джамуха, с первого моего рассказа запомнить, какие монголы сейчас кочуют на просторах наших степей, от какого предка ведут их племена свое начало, будет очень трудно. Но ты твердо должен знать происхождение своих задаранов и то, как к нам относятся другие. Также должен знать, что все роды и племена, любой монгол, к кому бы он ни относился, во все времена очень хорошо знает своих первых и последующих предков. Без этого знания любой монгол называться монголом не может, а если не знает предков или не может запомнить, достоин полного презрения, таких девушек не берут в жены, за таких юношей и мужей не отдают монголы своих дочерей.

Я принялся раскладывать в уме услышанное, стараясь придать всем этим чертовым племенам и родам хоть какой-то облегчающий запоминание порядок, но как ни старался, у меня это получалось плохо. Вдоволь намучившись, я вконец запутался в названиях монгольских племен и именах их предков. Наконец, когда в голове все окончательно перемешалось и ничего, кроме тупой боли, не осталось, я прекратил себя пытаться.

В середине дня мы сделали короткую остановку, попили из родника на склоне реки холодную воду, сменили коней и двинулись дальше. Старики сказали, что к темноте мы доедем до куреня, и повели нас, не особенно спеша. А долина реки, между тем, очень сильно расширилась, горы с обеих сторон отодвинулись так далеко, что сосновые и лиственничные леса их склонов приобрели одинаково синий цвет, над которыми, почти сливаясь с небом, сверкали белые зубчатые вершины с тающими только

в середине лета снегами. Наш маленький отряд уже давно оставил лед реки и двигался по своему, проложенному по пути на пастбища следу. Оглядываясь по сторонам, мы, мальчишки, замечали множество звериных следов, которые уже умели определять. Ни с какими другими невозможно было спутать следы изюбрей, оставляющих на снегу острые черточки копытами, или четкие, словно впечатанные, следы сохатых. Изредка попадались волчьи тропы, а лисьи мы не только видели, но временами замечали среди кустарника и самих рыжих чертовок, которые никак не подпускали нас на расстояние выстрела из наших слабых луков. Несмотря на притихшую после неистового бурана погоду было холодно. Мы, чтобы согреться, временами отчаянно ерзали в седлах, кутались плотнее в мохнатые дэгэлы, часто терли рукавицами застывающие щеки и носы. Во время одного из таких усилий я заметил на себе насмешливый, с какой-то мудрой искринкой взгляд деда. «Он уже знает, что я не смог запомнить его наставления о монголах и сдался», – мелькнуло в голове, и меня охватила нежданная досада на себя. Никогда не отступавший перед трудностями, которые встречались на моем, еще очень коротком жизненном пути, я от злости на себя стегнул коня и подъехал к деду. Тот спрятал взгляд под заиндевевшими ресницами и сделал свое лицо каменно-равнодушным.

– Насмехаешься? Да? – зло проговорил я. – наших племен и родов так много, что с одного разу все не запомнить. Только не ври!

Старик вскинул голову и раскатисто захохотал. Остановив дернувшегося было коня он повернулся в седле, снял малгай, сбил с него ударами об стремя иней, зачем-то дернул косичку над левым ухом и миролюбиво сказал:

– Нет, мой мальчик, с первого разу и я не запомнил. Но есть один верный способ – это запоминать от большого к малому, от широкого к узкому, от самых древних предков до себя самого.

– Ну так помоги! Тебе же тогда тоже помогли? – потребовал я, но уже с меньшим пылом.

– Начнем, как полагается, с языка – главного отличия народов. Все жители юрт наших степей, лесные народы и другие, обитающие далеко на западе и юге племена говорят на одном языке. Он, хоть и имеет у каждого народа свою особенность, является силой, объединяющей всех нас. На этом языке говорим мы, монголы, говорят многие лесные племена, найманы, хэрэйдэ и хара-кидани на западе, олхонуты, татары на юге и юго-востоке и даже застенные кидани. Кроме них говорят на нем мэргэды, буряты, булагачины и такие народы как баргуты и ойраты. Мы, монголы, только часть этих народов. Понял?

– Понял. А ты откуда это знаешь?

- Я же много воевал вместе с воинами всех трех последних монгольских ханов на всех четырех сторонах, особенно на юге. Кроме того, при ханах, когда в нашей степи было больше порядка, до нас доходили купеческие караваны из дальних мест. Беседовать с торговыми людьми было очень интересно, они много ездили и много знали.

- Ладно. Давай говори дальше.

- Теперь о монголах, этой небольшой части одноязычных народов. Перво-наперво запомни, кто такие коренные монголы. Это те племена и роды, которые долгое время скрывались в теснине Эргунэ-Хона. Про них я тебе говорил, но ты должен знать, что часть лесных народов, мэргэды, хэрэйды, найманы, олхонуты, все кидани и татары к тем монголам не относятся, хотя говорят с нами на одном языке. Про монголов-нирунов я тебе тоже говорил. Скажи-ка мне, кто они такие? - вдруг спросил дед и придержал коня.

- Это потомки трех сыновей, рожденных хоринской Алан-Гоа от небесного света, - ответил я не задумываясь, а дед меня похвалил, и по его лицу было видно, что мой тут же прозвучавший ответ его обрадовал. Мы оба тронули коней и поехали следом за остальными.

- Теперь я тебе поясню, кто такие монголы-борджигины. Это те роды и племена, которые ведут свое происхождение от Бодончара, от единственного сына старшей его жены, а звали его Хабичи-багатур. Этих племен меньше, чем племен монголов-нирунов, отличительной приметой борджигинов является светлый волос и серые глаза. Все монгольские ханы, в том числе Хабул, Амбагай и Хутула, были из борджигинов. Запомни, Джамуха, борджигины, они же коренные монголы-дарлекины, они же монголы-нируны являются племенами, из которых все монголы выбирают себе ханов. Теперь послушай про монголов-хиянов. Хиян - это бурный, ниспадающий горный поток. Так звали одного монгола, который вместе с монголом Нохой и своими айлами когда-то в древности спрятались от врагов в теснине Эргунэ-Хона. Видимо Хиян и Нохой - не имена их, а прозвища. В наше время хиянами прозывают выдающихся воинов, таких, как Есугей-батор. В нашей истории был еще один хиян, это брат Есугея Мэнгэту. Так вот племя, собранное недавно Есугей-батором вокруг потомков Бардан-батара, имеет сильное войско, с ним одним куренем кочуют многие тайджиуты и зурхэтэны, кочуют отдельные монголы своими айлами - все хорошие воины. Вот этих монголов, которых собрал в один кулак Есугей-батор, теперь стали называть новыми борджигинами, а родственников Есугея и самого Есугея - хиянами.

- Подожди, дед, подожди! До сих пор мне был очень понятен ход твоих перечислений монголов, - остановил я старика. - Ты сказал, что есть

народы, которые говорят на одном языке, в том числе и монголы, и их очень много. Потом ты рассказал о монголах-дарлекинах, или коренных монголах, то есть, про тех, которые вышли из Эргунэ-Хона. После этого ты назвал монголов-нирунов, которых меньше, чем дарлекинов. Потом рассказал о борджигинах – этих меньше, чем нирунов. А вот с хиянами началась в моей голове путаница. То это глава древнего айла и один человек, то Есугей с братом Мэнгэту, то целый род потомков Бардан-батара. Не успел я уяснить про этих хиянов, как ты тут же вплетаешь в свой рассказ новых борджигинов.

Дед почесал, забравшись пальцами под малгай, свой затылок и согласно кивнул.

– До хиянов ты все уяснил хорошо? – спросил он.

Я согласно кивнул.

– Ну, с ними и новыми борджигинами все очень просто. Они ведь живут в наши дни и их можно видеть и потрогать руками, с ними можно поговорить. Это, как я понимаю, задумка Есугея, чтобы усилить свою власть среди монголов. Когда его самого прославили хияном, он тут же перенес это гордое название на все свое войско и народ, собранный им за короткое время и как бы этим отстранился от тайджиутов. Но в последние годы, понимая, что борджигины никак не смогут из-за своих разногласий избрать себе хана, весь народ своего огромного куреня он назвал новыми борджигинами, независимо от цвета волос и глаз, от того, кто к какому племени принадлежит. Я думаю, что это его последний шаг к ханскому званию. Вот в чем и вся разница, то есть он переступил через родство по крови и провозгласил новое единство монголов, единство по оружию, целям и задачам собранного им народа. Я понимаю, что ты, мой мальчик, еще не дорос до полного понимания взрослых игр, иногда кровавых, но знать об этом тебе не рано и не вредно. Я надеюсь, что переданные мною сведения когда-нибудь тебе пригодятся.

– Значит по твоему выходит, что этот Есугей-батор теперь и монгол-дарлекин, и монгол-нирун, и монгол-борджигин и к тому же – хиян и глава целого войска хиянов?

– Вот-вот! Ты все расставил правильно.

– Ладно. Пусть все это так. Отсюда следует, что нашему роду задаран, баторам и нойонам задаранов никогда не будет возможности выдвигнуться среди монголов, какой бы громкой славою мы себя ни покрыли?

– Да. К сожалению это так. На нас веками как бы лежит родовое проклятие. Мы – люди, не знающие своего предка. Еще раньше и свою родословную мы не знали, поэтому от Зады и до тебя много колен утеряно.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава 1 ПРЕДКОВ НЕ ВЫБИРАЮТ	7
Глава 2 ПОЧЕМУ Я НЕНАВИЖУ МЭРГЭДОВ	28
Глава 3 КРЕПКОЕ ХОРЗО МЕСТИ	52
Глава 4 ВЫСОТЫ И НИЗИНЫ	83
Глава 5 БИТВА ТРИНАДЦАТИ КУРЕНЕЙ ПЕРВАЯ КРОВЬ	114
Глава 6 ТЕМНАЯ НОЧЬ ХОРОША ДЛЯ ЧЕРНОГО ДЕЛА	148
Глава 7 ЧАШИ ВЕСОВ В СТЕПИ УРАВНОВЕСИЛИСЬ	183
Глава 8 БИТВА ПРИ КУЙТЭНЕ	216
Глава 9 КОНЕЦ УЛУСА ХЭРЭЙДОВ	253
Глава 10 НА НЕБЕ СОЛНЦЕ ОДНО...	293
Глава 11 ОДИНОЧЕСТВО	333